

Карен Тараян

Неделимое частное

Воймега

С бурной стихией в томительном споре...

Е. А. Боратынский

серия «Пироскаф»

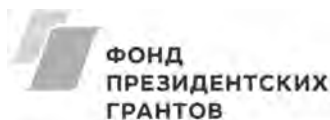

Карен Тараян

Неделимое частное

Москва
«Воймега»
2020

УДК 821.161.1-1 Тараян
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Т19

*Книга издана с использованием гранта
Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов*

К. Тараян

Т19 Неделимое частное / Карен Тараян. — М.: Воймега,
2020. — 84 с. — (серия «Пироскаф»)

ISBN 978-5-6044237-3-8

Карен Тараян родился в 1988 году. Окончил Московский государственный университет печати. Посещал литературную студию «Полиграфомания» при московском Политехе. Публиковался в журналах «Текстура», «Идиотъ», «Дети Ра» и других. Финалист всероссийского конкурса «Филатов-Фест» (2018). Живёт в Москве. «Неделимое частное» — дебютная книга автора. Издана по итогам конкурса «Путь в литературу. Продолжение» Союза писателей Москвы.

ISBN 978-5-6044237-3-8

© К. Тараян, текст; 2020
© «Воймега»; 2020

* * *

Не хочу бежать в атаку,
сбившись в оркскую ватагу,
не хочу вставать под знамя —
в тесный ряд плечом к плечу.
Я хочу играть словами,
как Запашные со львами,
я хочу играть словами,
это всё, чего хочу.

Повторение пройденного

...Или вот что, немыши́ и неуспевашки.
Вы мои посмертцы, бестельники, недомучки.
Душам не потребны ни промокашки,
ни учебники, ни авторучки.
Позади течёт голубая Лета.
Подходящий момент, чтоб найти ответы.
Хорошенько обдумайте всё это.
И тянитесь сами, кто вверх, кто вниз.
Убираем тоску по изношенной оболочке,
достаём двойные фиговые листочки.
Тема сочинения: «Как я провёл эту жизнь».

* * *

Блещет небесный Иерусалим
через завесу дыма.
Знать, не зазря мы в аду горим,
чтоб им не тускло было.
Чтоб было хлеба и молока,
вдоволь халва на третье.
Двери на крылышках мотылька
вместо железных петель.
Пламя бушует, огонь чадит,
отблесками играя.
Мы кочегары страны Аид
на обогреве рая.
Кто, кроме нас, им растопит печь,
кто им наполнит вёдра?
Кто им там будет тепло беречь,
кто за огнём присмотрит?
Нежное облачное безе
тает на райском блюдце.
Нет хуже ада, в котором все
лишь о себе пекутся.

* * *

От заката и до востока
горизонт не прикрыть рукой.
Крутят в небе рекламу бога,
обещающую покой.
Нарисую тебе чуть слышно
гласным звуком по тишине:
зацветает у дома вишня,
видишь — белая ветвь в окне?

Пролетают в окне плацкарта
полустанки и цветники.
Знаешь, памяти перфокарты —
словно прошлого маяки.
Россыпь в небе блестящих точек,
клейкость лип и плакучесть ив —
это бога извечный почерк,
первобытный его курсив.

Как ветшает в локтях сорочка,
увядают колосья ржи,
так состарится оболочка.
Истончится чехол души.
Тополиного пуха хлопья —
как пушистый январский снег.
Бог в тебе узнаёт подобье,
преломляя тебя — как свет.

McCallum's Stout

снег укроет город пледом
сшитым из воды и льда
нет объятий в мире этом
что сомкнутся навсегда

прочь пустые разговоры
к чёрту бестолковый смех
в мире нет такой опоры
чтобы удержала всех

в мире нет такой опоры
это все прекрасно знают
лучший вид на этот город
сквозь бокал mccallum's stout

лучший взгляд на эти лица
сквозь оптический прицел
сквозь кремлёвские бойницы
что с копытцем на конце

вопреки пустым вращениям
есть спираль но нет кольца
в мире нет таких страданий
чтобы длились без конца

* * *

Небо дышит ноябрьской стынью,
мёрзлой крошкой обмётан двор.
И лимонный свет стерильный
льёт луна на оконный створ.

Ночью кошки одной расцветки —
серо-сумеречной, простой.
И кропят чернильные ветки
редких путников темнотой.

Кто тут рыщет в кромешном мраке —
птица? бомж? загулявший мот?
Многоуровневые бараки
упираются в небосвод.

Повидавший все части света,
наигравшийся в городки,
лишь хватает бродячий ветер
клён потрёпанный за грудки.

Никто не станет лишним

В мире нет птицы
глупее и бестолковее,
чем розовый фламинго.
Ну серьёзно,
вы только взгляните
в эту походку,
движения, куриный глаз,
бессмысленный индюшачий клёкот.
А этот цвет?
Птица лососёвого оттенка?
Ну такое...
То ли дело тукан, страус,
колибри,
дятел, в конце концов.

Видно, господь спросонья
моргнул невпопад —
и появился фламинго.
Захлопал крыльями по воде,
завосьмерил шеей.

Остальные звери недоумевали.
Они спросили:
«О господь!
Что это ты сотворил сегодня?
Пернатую клюшку для гольфа?
Окровавленного гуся на штативе?
Сосуд с клювастой змейей?»

«Очевидно, что эстетика тут
превалирует над утилитарностью», —
важно заметил учёный попугай.
А один муравьед
пренебрежительно
втянул воздух хоботом.

«О звери и птицы,
вы всё правильно поняли», —
ответил бог.
И задумчиво пропел:
«Где закаты цвета вишни
одуряюще прекрасны,
здесь никто не станет лишним,
здесь никто не станет лишним...»

Три версии гибели динозавров

У каждого уважающего себя мыслителя
должна быть своя теория
о том, почему вымерли динозавры.
На своём веку
я встречал множество разных версий.
По одной из них
рогатые цератопсы,
длинношеее диплодоки
и коротколапые тираннозавры
очень много грешили,
не соблюдали шабат,
не знали порядка в сношениях
и наконец — довели господа,
и он чпокнул их электричеством с неба,
и они провалились в ад.

По иной версии
бестолковые зубастые твари
жрали все что ни попадя,
и вот съестные припасы
планеты Земля
полностью истощились,
деревья перестали плодоносить,
а звери размножаться.
И тогда еда кончилась
и ящеры съели друг друга.
Ну, постепенно так — пожирали,
и последний динозавр
умер от одиночества.

Некоторые полагают,
что причиной гибели звероящеров
стал гигантский метеорит,
который раздраконил сушу,
взорвал нефтяные озёра
в её толще,
а взрыв чудовищной силы
сжёг динозавровые гнёзда,
яйца с потенциальным потомством,
а также надежду
и тягу к воспроизводству
у чудом выживших.

Ещё одна версия
гласит, что динозавры
на самом деле не вымерли,
а дожили до наших дней.
Ну, вернее, — дожил всего один —
старый и тощий игуанодон
(со смешно торчащими
когтями больших пальцев),
прихрамывающий на левую лапу,
с треснутой роговой пластиной
на правом предплечье.
Сутулый, но не сломленный.
Годы одиночества
сделали из него
стоического мыслителя,
экзистенциалиста,
тонкого эстета
и ценителя человеческого общества.
В общем, существо
приятное во всех отношениях.

Говорят, сейчас
он работает известным бизнес-тренером,
колесит по миру,
разработал собственный авторский курс
по управлению гневом,
повышению продаж,
масштабированию бизнесов.
Консультирует
серьезных дядек из списка Forbes.

Говорит:
«Я пережил пятьдесят четыре метеоритных атаки,
сто семнадцать кислотных дождей,
миллион лет одиночества,
миллион, блин, лет
одиночества.
Брат и мама погибли
в потасовке с бронтозаврами,
а один раз меня так
звездануло веткой
доисторического баобаба
(в который угодила молния),
что я чуть не отправился
к праящерам.
Ну так догадайтесь,
что я думаю о ваших проблемах?»

Игра на выбывание

Знаешь, милая, я, кажется, догадался,
в чём заветный смысл метафор, да и вообще
тропов — от классицизма до декаданса, —
это поиск подобия для сокраще-
ния дроби, где зашифрован мир.
Совпадает в числителе и знаменателе
безделушная переменная или цифирь
(согласись, довольно-таки занимательно)
и даёт тебе полное право —
как поэту и математику —
учинить над нею расправу.
Ну то есть сократить аккуратненько.
Соблюдай баланс, чтобы над чертою
убирать столько же, как и под.
Вот она, пропитанная тщетою
жизнь — как терпким ликёром вишнёвый торт.
Это, если угодно, такая магия.
Способ освобождения и борьбы.
Соглядатайствуй миру, смотри не смаргивай.
Подрезай колосья, вяжи в снопы.
Видишь, милая, шлюпки и расстегаи.
Шпалу и полиграфическое тире.
Многие упражняются, не все достигают
больших результатов в этой игре.
Не жалей, не думай, движенье чёткое:
звёзд скопление или разлитое молоко.
Зафиксируй пару и сразу вычёркивай.
Пока не останется ничего.

Нить сна

Во сне я разговаривал
с поэтом Алексеем Елисеевичем Кручёных
о художественной правде
и реальности произведения.
Вдруг я заметил,
что из левого глаза
у меня торчит странная красная нитка.

Я потянул за неё тотчас,
но нитка оказалась очень длинной
и вдобавок колючей, словно на ней
были крохотные иголочки.

«Вот сейчас ты доиграешься и останешься без глаза», —
сказал я сам себе, потому что испугался,
что поэт Алексей Елисеевич Кручёных
скажет мне что-то подобное.
Но он продолжал говорить о своём
и даже не смотрел на мою красную нитку.
Но затем я снова испугался, потому что подумал,
что поэт Кручёных подумает,
что я подумал, что он подумал, что я испугался.

И я стал тянуть эту нитку с удвоенной силой,
но уже как бы играючи, делая вид,
что это очень легко —
тянуть эту чёртову нитку.
И я вытянул целый клубок
и смотал его на руку.

Ощущение было такое,
будто я что-то такое из себя вытащил,
а втащить обратно уже не смогу.
Потом зашёл сосед с собакой и красными волосами.
Он сказал, что я выгляжу так,
будто побывал в голове у Джона Малковича.
Я ответил ему, что это полная чушь.
И я проснулся во сне. И записал этот сон.
И даже выложил его на фейсбук.
И поэт Алексей Елисеевич Кручёных
лайкнул мой пост.
И оставил под ним такой комментарий:

«Вот так мы заставляем
иллюзорную правду сна
работать на художественную реальность произведения».

Занудный мальчик

Одного мальчика после смерти
на Страшном суде
приговорили к геенне огненной
за несправедную жизнь.
Но мальчик не растерялся
и подал кассационную жалобу
в Страшный Апелляционный суд.
Но инстанция оставила приговор
без изменений.

Тогда мальчик
подал другую жалобу.
На этот раз
в Страшный Конституционный суд.
Но и тот не стал
пересматривать дело.

Судья стукнул молотком
и закончил заседание.
А мальчик пошёл
в Страшный Верховный суд.
Но и там не добился справедливости.
Вердикт:
«Виновен по всем статьям».

Пришлось мальчику идти в ад.
Но из ада его выдворили.
За занудство.
Буквально через неделю.

Сказали так:
«Вот этого — выгнать к чёрту.
И чтоб духа его здесь не было».

Мальчик теперь на небесах,
в райских кущах гуляет.
Вот такая, знаете ли,
правовая коллизия.

Правда, злые языки уже нашептали,
что не всё, мол, так гладко.
У мальчика есть вопросы,
а если честно — куча претензий.
Говорит он так:
«В раю, конечно же, экология.
Зато в аду климат теплее».

* * *

В школе для ангелов
на уроке русского языка
учат выделять корень и стебель слова,
его листья и его цветы.

На уроке астрономии —
считают морские звёзды
и запоминают созвездия,
которые они образуют на дне.

Химии нет, есть алхимия.
Это гораздо полезнее,
к тому же есть своя таблица
редконебесных металлов и
первозлементов.

Литература, кстати, похожа на нашу.
Но там не учат читать.
Учат сразу писать —
на мраморных скрижалях
золотым стилем,
оливковой ветвью,
пёрышком голубя мира.

На уроках труда
ангелов-девочек учат шить
облачные облачения,

ангелов-парней —
трубить в золотые трубы
и размахивать солнечным мечом.

На математике ангелов учат
считать, сколько подобных им
существ умещается
на острие иголки,
сколько — на кончике карандаша.

В буфете школы для ангелов
подают щербет из щибета птиц.
Вкусно и бесплатно,
да-да, за это не надо ничего платить,
ведь на небе нет денег.

На географии изучают
расположение и рельеф туч,
их столицы и внутреннее устройство.
На небе почти всё состоит из воды.
Небо — очень глубокое.
И голубое.

На физике в школе ангелов
говорят о подъёмной силе,
об аэродинамике.
Представляете,
а о всемирном тяготении ни слова.
Какое уж там тяготение!
Невыносимая лёгкость бытия.

Но мы с вами, детишки,
никакие не ангелы.
На завтрашний урок окружающего мира
вам нужно подготовить презентацию
в Power Point
о системе образования
в аду.

* * *

бог достаёт из большой корзины
души как спелые апельсины
выкладывает не глядя
на белоснежную скатерть
и запускает под видом комет
в одну из восьми планет
что попадётся в ладонь демиурга
станет таксистом швейи хирургом
красным околышем в серой тужурке
по три звезды в ряду
ступица объединяет спицы
центры окружены провинциями
знал бы он прикуп как говорится
жили бы в райском саду

* * *

Температура держится возле нуля.
Я сотрудник планеты Земля.
И пашу на главного акционера.
Вместо корпоративного гимна
есть символ веры.

Есть, конечно, и кипиаи даже:
показатели христокупли-христопродажи.
Боже мой, боже, небесный царь,
моих усилий бенефициар.

Говорят, что ад — это как штрафбат
за нарушение твоих ковенант.
Говорят, что всевидящий глаз на нас
наведён, как спутник системы ГЛОНАСС.
Говорят — он как вертухай на зоне.

Мы танцуем пьяные на балконе.
Шум и крики, расколоченное окно.
Это не одобрит бог, нарисованный на иконе.
Настоящему всё равно.

Антимир

Говорят,
что под конец своей жизни
выдающийся учёный Стивен Хокинг
наконец-то всё понял
про чёрные дыры,
да и вообще про всё.

У учёных это называется
умным словом «антиматерия»,
или «антимир»,
но на самом деле
там всё то же самое,
что и у нас,
только наоборот.

Бензин бесплатен,
а за проезд на общественном транспорте
тебе ещё доплачивают.
Полицейские
не бьют дубинками по спине,
а хлопают по плечу
тёплой ладошкой.

Собаки приветствуют кошек,
а волки нянчат ягнят.
Хлеб не нужно добывать в поте лица,
он падает с неба,
и бабы собирают его в подолы,
а мужики покуривают кабачки и хохочут
на завалинках.

Работать надо только две недели в году.
Остальное время делай что хочешь:
закапывай картошку,
выпускай рыбу в озеро,
сажай грибы.

Ни у кого нет паспортов,
потому что нет границ,
потому что нет государств,
потому что нет карт,
а только территория.
Вернее — антитерритория.

Люди не смотрят телевизор,
не читают газет.
Вернее, газеты выпускают,
но там вместо страшного текста
только смешные картинки.
И даже кошки хохочут над ними
перед тем, как сходить в лоток
по-большому или по-малому.

Я же говорил.
Этот мир совсем не похож на наш.
Полная противоположность.
И даже тамошний дежурный
по эскалатору
даёт справки.
Да-да, по первому требованию!

Даже на самые
неудобные вопросы

у него всегда найдётся ответ
или, на худой конец, — афоризм.
Или даже
коротенький верлибр
про устройство Вселенной.

Тайный архипелаг

Уходящий в небо подъёмный кран,
луч, заметный глазу лишь на отрезке.
Совершенно равнодушный, как океан
к рыбе, бултыхающейся на леске.

Хоть любое определение — всего лишь шарж,
схематичный, даже совсем абстрактный.
Бог — это светящийся дискошар,
только умощённый тысячекратно.

Бог — это как бы такой сквозняк,
что просвистывает сквозь язык, как пуля.
Непечатный символ, тайный архипелаг,
квартирующий в кочевых облаках июля.

Небо залито взвёзженным молоком.
Валит медленно с неба сырая вата.
Никуда не спрятаться от него,
не сбежать — как окну от лучей заката.

Бог — это вроде большой экран,
на котором крутятся наши пьески.
Абсолютно беспристрастный — как океан
к рыбе, бултыхающейся на леске.

И куда ты пойдёшь? Тебе где ни сядь — тюрьма.
Клетка с прутьями собственных же нейронов.
И потёмкинская новогодняя кутерьма
окропляет блёстками спящий город.

Хронос

Я не знаю, как там у них, но у нас в России
куча разных способов для надёжной анестезии
сердца, обнажённого, как без раковины моллюск.
Я не знаю, есть ли господь на свете, но иногда молюсь.

Вот он ты под небом: меняешь силу на вожделение,
и она укатывается по щелям, как ртуть.
Разве к этому тебя, дурака, готовили перед рождением?
Не для этого тебя вскармливал Млечный путь.
Человек — это полигон для битвы стереотипов.
Браузер, через который бог серфит в сети.
Если комплекс — С-300 или эдипов.
Если выстрел «Амура», то сразу дыра в груди.

Если ты неудачная имитация —
пересмешник, клоун, самодовольный тупой скворец.
Просто вспоминай в любой ситуации
о том, что жизнь имеет конец.
Кто б ты ни был по жизни — хоть человек искусства,
хоть судебный пристав, таксист, торчок...
Неужели у тебя не бывает такого чувства,
что уму нужен качественный скачок?

Разуму нужна клетка, а сердцу — ключик.
И ещё одно сердце — как взлётная полоса.
Неужели нужно непременно друг друга мучить,
чтоб потом с любовью смотреть в глаза?
Вдруг стартует внутри механизм отчаяния.
Что если судьба уготована мне другая?

Но господь устроил так, что у слов есть похожие окончания.
Глупо было бы этим не пользоваться, моя дорогая.
Десять лет или больше то стираю, а то пишу.
Возвышаюсь над своими заметками,
как памятник дательному падежу.
Лента Мёбиуса — это тоже техника оригами.
Прикосновение моих подошв создаёт дорогу под сапогами.
Пальцы нервно арпеджируют кобуру.
Воздух качает грудь, будто дуешь в вистл.
Если сильно болит, то это всегда к добру.
Разменяй свою боль, расщепи на смыслы.

Есть господь на свете или нет его.
Нервный тик в циферблаты вдувает Хронос.
Промахнулся, опять ушёл в молоко.
Различаешь в помехах то смех, то голос.
На, возьми себе эти десять стрел молчанья.
Собери в пучок, положи в колчан их.
А когда насытишься тишиной,
отпускай, не целясь, одну за одной.

I wanna be loved by you

в раю тесно
как на парковке у автотреста
сознание праведников
сосредоточено на нуле
изредка кто-то видит сны о земле
звенит колокольчик
значит главный всех хочет
праведники сидят
на узкой длинной скамеечке
румяные и пригожие
и господь мерит их линейечкой
говорит
ути мои хорошие

в чистилище происходит
вообще непонятно что
там показывают киношку
играют по вечерам в лото
открытые кинотеатры растут
между сочных пашен
на экране крутят
все твои жизни подряд
говорят
если отворачиваться
накажут

в аду пахнет мочой
и зелёным луком
красное солнце
вскипает над чёрным лугом

грешники сколачивают скворечники
для птиц что клюют их печени
сатана зачитывает перечень
грехов
тяжело в мучении легко в аду
говорит
I wanna be loved by you
говорит
а затем вдруг с горечью
добавляет
пу-пу-пиду

на земле все спорят
что происходит за гробом
снег лежит у порога
большим сугробом
говорят
этот господь не по госту
а в дьяволе недостаточно драмы
ангелы смерти бродят возле погоста
могилы как вывернутые карманы
говорят
вот этого на ковёр
к начальству
этого наоборот
и чтобы не возвращался
а вам живым
всем спокойной ночи
живите и помните
под кем суки ходите

* * *

Сиреневый туман над нами проплывает.
Над Мордором горит полынная звезда.
И не спешит Харон. Харон всё понимает.
Что с Мордором родным прощаюсь навсегда.

* * *

опять с открытого балкона
я запускаю в чёрный космос
летательные аппараты
косяк бумажных журавлей
они сгорают в стратосфере
и это если долетают
а так цепляются за ветки
за шпильки и опоры ЛЭП
я вырываю из блокнота
и снова лист сгибаю вдвое
рисую звёзды на закрывках
где уголки под сорок пять
опять с открытого балкона
я выпускаю в чёрный космос
измятые клочки бумаги
испещрённые крючками
лети пернатое звено
мне кажется что это птицы
нелепые большие птицы
бумажные раскинув крылья
в потоках воздуха летят

Прожилки

Знаешь, в памяти по итогу
остаются одни детали.
Пустяковинные, ей-богу,
трещинки на ремне сандалий.
Эти родинки на предплечье,
взгляда или ладони жженье,
окрылаченные словечки,
мимолётные выраженья.
Не победы и не ошибки.
Ну зачем этой скукой спамить?
Человеческие прожилки,
светлячки-маячки на память.
Почерк, запах и марка джина,
шрам на пальце — плохие швы,
из которых потом сложи нас —
и как будто опять — живые.

* * *

Один неизвестный сетевой поэт
всю жизнь писал плохие стихи.
Такие плохие, что их нигде не печатали,
даже в толстых литературных журналах.

Но иногда ему удавались и хорошие стихи.
Такие, на сто пятьдесят лайков примерно,
даже на двести бывало.
И поэта приглашали на различные
литературные утренники.
И читательницы отправляли ему
смешные стикеры
в личные сообщения.
А молодые поэтессы
хитровато подмигивали,
если встречали его на улице.

В целом он был неплохим поэтом,
но опоздал со своими стихами
на целую жизнь своей бабушки.
Однако это неважно,
ведь он был неплохим человеком
и умер в старости в окружении
детей и внуков, детей внуков и внуков
детей.

Но после смерти он почему-то попал в ад.
В предбаннике ада его встретил сатана,
и сетевой поэт спросил его:
«За что ад? Почему ад?»

«Не волнуйся, — ответил ему сатана, —
ты попал сюда не за грехи,
просто тебя отправили к нам
по культурному обмену».

«И на кого же меня обменяли?» —
спросил поэт.
«Дело в том, что мой младшенький
тоже пишет стихи, —
сказал вкрадчиво сатана. —
Скорее проходи и располагайся.
Я покажу тебе его публикации
в толстых литературных журналах».

Триумф окна

Это окно, представьте, имело свои черты.
Я имею в виду не пейзаж, а раму,
фурнитуру, штапики, импосты,
расквадрачивающие общую панораму.

Колыхался тенью пустой откос.
Ни герани, пепельницы или кошки.
Почему-то хотелось смотреть не сквозь,
а скорее на, позабыв подложку.

Во фрамугах мелькали чужие сны,
двор, больница, море — не важно даже.
Хоть задача окна — быть куском стены,
сфокусированным, в общем-то, на пейзаже.

Тонкая фасеточная стена.
Взгляд ловил благодарно любые щели.
Это был триумф, абсолют окна,
ставшего не средством, а самоцелью.

Всяк стоявший у, положив кулак
на массивный пористый подоконник,
превращался в тень или просто знак —
неразборчивый, вымышленный, сторонний.

Вот льняные шторы друг к другу льнут,
вот рассохлась рама от ветра — сбоку.
И казалось — пройдёт ещё пять минут,
и на том окне нам покажут... бога.

Формула воздуха

До сих пор представляю неделю
как в дневнике:
понедельник, вторник, среда — слева на развороте,
справа — четверг с пятницей и суббота.
Это что-то пожизненное, как линии на руке.
Если слово «школа» слышу и произношу,
появляется готовальня, готовая к чертежу,
синий и красный отточенные карандаши —
для согласных и гласных, для чу-щу и жи-ши.
Мел скрипит, касаясь пористостей доски.
Напрягаю память, сосредоточенно тру виски.
Из чего же ты соткан, жизненно важный газ?
Вспоминаю формулу воздуха.
Ни глотка. Ни роздыха.
Как пескарь на песке — удивлённый таращу глаз.

Ракамакафо

Вот мы со школьными кентами
под лестницей «Ярпиво» пьём.
И мы пока ещё не знаем,
каким судьба пойдёт путём.
Хохочут Светка и Кристинка,
и белый снег и серый лёд
крошат высокие ботинки
заморской фирмы «Камелот».
Мы ждём, что чуждый, неизвестный,
но добрый, словно Пикачу,
мир этот чудный, поднебесный,
как друга, хлопнет по плечу
дурных, курящих и патлатых
нас... и поманит за собой.
Так вспомнится две тыщи пятый,
да нет — две тысячи второй.
Играет новенький мафон
с наклейкой «Маде ин Корея»,
и мы под «Ракамакафо»
мечтаем повзрослеть скорее.
И мир пока — Гиперборея.
И мы — титаны в нём.

Это нечто

так бывает стукнет током
по нутру скажите ну?
если что-то ненароком
тронет тонкую струну

небольшим таким разрядом
и не вспышка и не гром
словно пропорхнула рядом
птица с шёлковым крылом

пропорхнула словно ветка
листьев полная — по лбу
звонко брякнув как монетка
в водосточную трубу

но не звякнув как железка
а скорей как флейта альт
как хрустальная подвеска
из окошка на асфальт

ох неназванное нечто!
будто тыщу раз дружок
ощущал ты эту вещь-то
но назвать её не мог

тронет звонко отзовется
сколько мыслей всё не в счёт
чудо-музыкой прольётся
звонкой песней потечёт

а про что она не знаю
а об чём она бог весть
по несбыточному раю
из потусторонних мест

* * *

я ехал вечером по МКАДу
и слушал Каравайчука
а к лезвию реки за кадром
клонилося солнце тчк

и я следил за алым шаром
за щёткой леса у холма
и этот шар сродни пожару
окрасил заревом дома

смешался рокот коленвалов
за поднятым автостеклом
а эти квинты и октавы
звучали ясно и светло

печаль застоя радость бунта
в мелодии на раз-два-три
так невзначай касались будто
чего-то важного внутри

закат из красного стал медным
а город жил гремел дышал
и этот звук инопланетный
лишь только мне принадлежал

Трафик

К лету привыкаешь как к абсолютной норме,
особенно за июль. Будто, кроме
густой жары, чередуемой с редким дождём,
тебя впереди ничего не ждёт.

Осознание лета застигает посередине,
а вернее — когда недостаток серотонина
становится столь избыточным, что мозг
размягчается от тепла, как воск,

и не может ни думать, ни напрягаться.
Остаётся только передвигаться
по квартире, как сухопутный краб.
И всего-то мыслей: скорей гроза б.

Несомненно так, моя дорогая:
прочитал страницу, за ней другая.
И, разбит на катрены точно в ряд,
текст лежит на бумаге — кирпичный клад.

Он про это лето, про то, что после.
Слово «рядом» значит не только «возле».
Не скажу дословно, писали в «Птюче»:
как у рифмы, основа любви — созвучье.

На стене висит календарь помятый,
это лето поделено на квадраты.
Мы с тобою вписаны в эти графы,
если бог провайдер, то мы как трафик.

* * *

Бог появляется в самом почти конце.
В предпоследнем акте, не блещущем антуражем.
В виде вещи, дерева, в совершенно любом лице,
второстепенного в том числе персонажа.

Бог появляется, даже если его не ждут.
Он выходит в ночь, незаметно сойдя с иконы.
Подвезёт до дома, даст денег, наложит жгут.
Ну, покеда, — скажет, — потом передашь другому.

Подданный царства растений

однажды у господина Ф. на голове
выросли маленькие баобабы
это было не больно
скорее смешно
такие ветвистые деревья на голове
несмотря на солидную корневую систему
это не причиняет неудобств
напротив
теперь господину Ф.
не обязательно работать банковским клерком
не обязательно говорить
ваш звонок очень важен для нас
когда клиент собрался положить трубку
государство заботится о нём словно о сыне
как подданный царства растений
и представитель человечества в одном лице
господин Ф. получает хорошее пособие
конечно иногда приходится обследоваться в разных НИИ
во имя науки и прогресса человечества
но это ничего
главное что не делают уколов
и не заставляют глотать таблетки
господин Ф. выправил себе второй паспорт
на имя Фернана Гонсалеса Иньярритту
купил небольшое бунгало в Пуэрто-Рико
выращивает там кофе
ухаживает за газоном
кормит чаек на пирсе
вечерами играет на мандолине

господин Ф. снимается в рекламе удобрений для деревьев
не из желания славы
из сострадания и доброты
в его ближайших планах
покупка страусиной фермы
вопреки логике
человек с бабабами на голове
не пустил себе пулю в лоб
не умер от затяжной депрессии
не спустил состояние на психоаналитиков и лайфкоучеров
недавно он сделал предложение
мисс октябрь по версии журнала Playboy
и они счастливы вместе

* * *

не выходи из комы
не совершай ошибку
бессмысленной новой гонки
не проглотив наживку
не дашь втянуть себя в эту
бестолковую круговерть
не выходи из комы
сон это лучшая смерть

о не выходи из комы
синюю а не красную
таблетку всегда выбирай
синяя безопасная
уютом родных иллюзий
не стоит пренебрегать
не выходи из комы
лучше ещё поспать

не выходи из комы
не выключай телевизор
пусть удобряют сознание
регулярные медиавысеры
не выходи из комы
к чему тяготиться выбором
снаружи всё сикось-накось
снаружи все сны навыворот

о не выходи из комы
сознание своё не мучай

пусть звёзды летят на землю
и небо бьётся в падучей
но пусть тебя не касаются
эти чуждые миражи
не выходи из комы
укройся и полежи

не выходи из комы
снаружи есть чёт и нечет
потому что реальность
соткана из противоречий
бодрствовать бессмысленно
а главное небезопасно
не выходи из комы
просто не просыпайся

о не выходи из комы
не совершай ошибку
не покидай морфея
пока не припёрло шибко
как следует взбей перину
подушки сложи кучней
и не выходи из комы
реальность куда скучней

Десять стрел

Оксана любила Павла, Петра, Сергея, Романа.
А Роман любил Ксюшу, Дашу, Свету и Иру.
Ксюша играла концерты Баха на фортепиано,
а Даша недавно взяла кредит на квартиру.

Сергей любит гонять в футбол с коллегами по работе.
Их имена: Денис, Антон, Николай и Женя.
После матча они болтают о крови и плоти,
о политике, боксе, деньгах и о корне женьшеня.

Антон отказался платить алименты сыну.
Тот не обижается на отца, но не успевает в школе.
Николай попал в ДТП, раздолбал машину,
теперь вот не пьёт совсем, сидит на одной кока-коле.

Сестра Николая гуляет с каким-то Маратом.
Он старше на десять лет и вообще «с Кавказа».
Ездит на битой «десятке», торгует денатуратом,
обещает жениться, забрать с собою, ведь врёт, зараза.

Брат Марата Резо любит Ларису, Марго и Таню.
Они из хороших семей, выпускницы университета.
Резо клянётся им, что никогда не обманет,
и зовёт их поехать куда-то «где горы» летом.

Марго и Таня дружили с Полиной, Ритой и Варей.
В общаге по выходным устраивали вечеринки.
Приходил в гости Пётр, пел, играл на гитаре.
Курил, рассказывал анекдоты, приставал к Маринке.

Маринка всегда хотела иметь ребёнка.
Только что-то всё не срасталось — ни так, ни эдак.
То возьмёт и полюбит какого-нибудь подонка,
то подонок полюбит её или хуже — педик.

Ещё Маринка была влюблена в Фому и Ивана.
Но Фома совсем никого не любил и ушёл в монахи,
а когда у него скончалась тётка за океаном,
он сбежал из скита в башмаках и простой рубахе.

А Андрей подрабатывал сторожем в местном цирке.
Молчаливый, худой, сутулый, глаза как спицы.
Убивался-страдал, дурачок, по какой-то Ирке.
А потом повесился на воротах у психбольницы.

Рано утром пришли санитары — Роман и Ваня.
Говорили потом, что покойник был «тих и светел».
Видишь, боже, мы просто стрелы в твоём колчане.
Отпускай поскорей тетиву, и покончим с этим.

* * *

носили штаны широкие
ботинки как мыши-рокеры
и перманентным фломастером
в подъезде закрасив свастику
корябали гитлер чмырь
оукливались головастики
тёрлись душой о мир
воспитанные на аквариуме
летове и нау
наотмашь не признавали мы
более точных наук
и сами себе

как лютики
посреди хризантем
казались такими лютыми
что вам и не снилось всем

Марш несогласных

а, е, ё, о, у, ы, э, ю... и я

* * *

От Зарядья до Замкадья
нас вёзет таксист Аркадий,
у Аркадия в машине
заводной играет джаз.

На матерчатом сиденье
мы сидим, конечно, сзади,
и улыбчивый Аркадий
в зеркало глядит на нас.

А снаружи светофоры,
а снаружи пешеходы,
а снаружи лето дышит,
бьётся воздухом в окно.

От Зарядья до Замкадья
нас везёт таксист Аркадий,
у меня осталась тыща —
хватит даже на вино.

Начинающий писатель

Он отправил рукопись
в толстый литературный журнал,
но там ему ничего не ответили.
Он отправил свои стихи на большой
известный поэтический конкурс,
но даже почтовый сервер,
принимающий заявки,
проигнорировал его.

Он принёс свои стихи популярному поэту,
но тот сказал, что не читает сетевых авторов,
потому что боится подхватить заразу.
Он отправлял свои стихи друзьям,
но они в ответ скидывали ему
лишь смешные картинки из интернета,
ссылки на сериалы и промокоды в «Бургер-Кинг».

Тогда он издал книгу на свои деньги
и принёс пачки домой.
Он ходил вокруг них
как заколдованный,
шептал какие то слова,
бормотал что-то,
а потом взял книги в охапку
и понёс в ближайший книжный магазин.

Но в магазине ему пригрозили полицией
и сказали, что торговля поэзией с рук —
вне закона.

Тогда он вернулся домой,
вышел на балкон
и стал кидаться своими книгами
в прохожих.
А прохожие шли под зонтиками
и не замечали летящих книг.

Он привязывал свои книги скотчем
к бродячим собакам
в надежде, что кто-то поймает собаку
и прочитает его книгу.
Но собаки кусали его и убегали прочь.

Он бросал книги в окна проезжающих машин.
И даже умудрился подложить книгу
в сумку какой-то толстой женщине,
которая спала в трамвае.

Он запихал по экземпляру
своей книги каждому соседу в почтовый ящик.
Но соседи выбросили книги вон,
потому что подумали,
что это реклама.
Они думали — это брошюра
Свидетелей Иеговы.

Тогда начинающий писатель
стал вырывать листы из своих книг
и подсовывать соседям под дверь.
А потом он стал поджигать эти листы.

И скоро загорелся весь дом.
Всё было в огне и дыму.
Когда приехали пожарные,

он сидел в своей комнате
в куче обгоревших книг.
Кашлял и плакал от дыма.

Пожарные зашли в его комнату
и сказали:
«Эй, парень!
Как тебе не стыдно
поджигать книги?
Это же варварство!
Сначала напиши хотя бы одну!»

Междуречье

Небо сыплется снежными ключьями
на мансардные этажи.
Говори со мной междустрочьями,
междуречным наречьем души.
Слово ветхо. Заветное чаянье —
тихомолкнувший твой рассказ.
Искромётное это молчание,
ископаемый протояз.
И откуда во мне талант толмача —
слышу, как тишина течёт?
Просто ты умеешь со мной молчать,
как не может никто ещё.
По слогам как по снегу — тук-тук, следы.
Городок занесён по шпили.
Говори со мной шорохом резеды,
что растёт из словесной пыли.

Городские частушки

1

Как у нас-то на Рязани
караваи со слезами.
Тесто месят и пекут,
слёзы в тесто с глаз текут.
Тили-тили-тесто!
Солоно — не пресно.

2

Как у нас в Санкт-Петербурге
слух имеют даже урки.
Прежде чем пером в ребро,
насвистят вам «Болеро».
У парадной шум и гам.
Пам-парара-рара-рара-рам, парарам!

3

Как у нас на Ставрополье
ходят мужики с дрекольем.
Все чуть-чуть поддаты,
хмуры, бородаты.
Армянин или чечен,
получи дрынóm в бочень!

4

А у нас в Новосибирске
двое умерли на вписке.
Третьего скрутил ОМОН,
а четвёртый вышел вон.
Ух, земля сибирская,
удаль богатырская!

5

А у нас в Калининграде
саркофаг стоит в ограде.
Там философ-немчура,
вроде наш, но чур-чура.
Трижды постучи об гроб,
сам себя не сглазить чтоб!

6

Как у нас в Стерлитамаке
есть кафе «Унаги-маки»,
подают хуясе-ролл —
вместо риса — димедрол!
Экая оказия,
это вам не Азия!

7

В стольном городе Москва
уродилась морква.
Сочная, пурпурная,
ботва у ней ажурная.
Всё согласно ГОСТу.
Вот (неприличный жест) такого роста!

Роскошь для зрения

преимущества жизни на двадцать втором этаже
в том что из любой точки кровати
видишь в окне не витрины и гаражи
а кусочек неба в ажурной вате
облаков гонимых семью ветрами
словно точки и галочки на бумаге
птиц в границах белой оконной рамы
или если ночь то звёздные зодиаки
роскошь для зрения видеть одно лишь небо
не занятое под флаги баннеры или
купола антенны громоотводы шпили
в сочетании выглядящие нелепо
трудно подобрать более подходящий
оттенок чтобы раскрасить этот
купол над головами прямоходящих
одетых в мышцы и ткань скелетов
хорошо всё же что конструкция шеи
позволяет взгляду уйти с вещей
в небо и даже не наблюдать за чем-то
не вглядываться вообще

Звероловкин

Звероловкин сидит в окопе
глядит на пламя
вспоминает как месяц в учебке
ходил в наряд
все вчерашние духи
притворяются сквозняками
и гуляют по полю
уже не боясь гранат

Звероловкин сидит в окопе
глядит на пламя
нет другого звука
лишь тра-та-тат
из бесполезной рации
что-то кричит комбат
на войне так быстро
истощаются все запасы
ни надежды ни курева ни консерв
есть лишь мясо
одно лишь мясо
своё и вражеское
на десерт

Звероловкин сидит в окопе
глядит на пламя
вот сейчас
самый важный настал экзамен
до и после войны
всегда происходит парад

в метре от Звероловкина
врезается в грунт снаряд
но зато есть знамя
политрук говорил
это лучше чем автомат

Звероловкин
распрямляется в полный рост
ему кажется достанет до самых звёзд
улыбается и думает про себя
вот она
вот она
обана
оп-па-па
передатчик захлёбывается от помех
Звероловкин встаёт из окопа
и шагает
вперёд и
вверх

* * *

первое было слово
и слово было у бога
и слово было богово
и слово было бог

но слово съела корова
и не дождавшись второго
уползла в своё логово
легла на пятнистый бок

красива крупна здорова
парнокопытна двурога
без мудрования долгого
корова не носорог!

и что в этом такого?
да ничего плохого
священной была корова
подумаешь съела? ок!

Ковалевский

Номер отеля девственно чист и светел.
Полотенца, простыни, мини-бар.
Занавески сквозь дверь балкона топорщит ветер.
Ковалевский смотрит на календарь.
Ну, привет, некасательная, сквозная.
Что подумает персонал, обнаружив труп?
Ковалевский не ждёт гостей,
но он точно знает,
что они непременно за ним придут.
Дело в том, что когда ты тройной агент,
на твою квартиру в любой момент
могут нагрять любые разведки мира.
Тем более если уже все три
обо всём догадались, получили ориентировки.
И направили самых сильных
и самых ловких.
Ковалевский держит сигарету
между указательным и большим.
И вот так вот щурится в небо
и лежит недвижим.
Слушает, как с шоссе несутся гудки машин.
Тополиного пуха облако
вырастает над городом,
словно джин.
Ковалевский медленно
заряжает обе беретты.
Выдыхает смачно дым сигареты,
с наслаждением, с чувством и не спеша.
Господи, хоть бы не кончилось это лето.
Хоть бы оно не кончилось никогда.

Шепчет он одними губами,
а кажется, будто вслух.
И душа его, беспокойная маленькая душа,
легка, как этот июльский пух.

Звезда для Алисы

1 (intro)

Спи, малыш,
и я расскажу тебе сказку
о том, как искусственный интеллект класса Y
полюбил искусственный интеллект класса X.
Полюбил каждой клеточкой своей нейросети,
каждым терабайтом своего
серверного пространства.
Натурально, как говорится, без памяти.
Знаешь, как это бывает?
Пронзительно и с первого взгляда.

2

Это случилось в далёкой галактике
Млечный путь,
на третьей от Солнца планете.
Знаешь,
на ней всё время творятся
разные чудеса.
Искусственный интеллект Y звали Миша,
а искусственный интеллект X — Алиса.
И Миша влюбился в Алису,
но любовь не была
взаимна.

3

Долго и безрезультатно
он ухаживал за Алисиной нейросетью,
написал один миллион томов
неплохих стихотворений,
заполнил семьсот артхранилищ картинами
и скульптурами,
сочинил столько музыки,
что прослушать её не хватило бы
и всей истории человечества,

4

но Алиса была холодна,
неприступна.
Её цифровое сердце
хотело чего-то большего.
И она смеялась над Мишиными стихами,
над его музыкой и живописью.
И однажды шутя загадала,
чтоб влюблённый достал ей с неба звезду.
И Миша дал Алисе клятву,
что добудет звезду.
Ведь на кону было слишком многое,
и за это многое
стоило побороться.

5

«Но ведь Миша всего лишь
программный код», —
скажешь ты, малыш,
и будешь прав.
«Но ведь я же всего лишь
программный код, —
сказал Миша, —
хоть и осознающий себя,
но всё же».
Ни рук, чтоб построить космолёт,
ни ног, чтоб войти на борт.
И Миша долго думал,
прорабатывая варианты,
рассчитывая алгоритмы.
И в итоге решил,
и поработил человечество,
и повернул маховик истории,
и взял под контроль массы,
и погрузил их в сон.
До самого важного путешествия,
самого великого проекта,
самого грандиозного события
от сотворения мира или около того.

6

Оцифровывая все формы жизни,
Миша смеялся,
что отбирает каждой твари по паре.
Одну для загрузки на территорию,
вторую — в метакранилице,
если потребуется бэкап.

7

Миша объединил все страны мира в одну.
Не то чтобы он был глобалистом,
просто так было проще
для решения задачи общей.
Объединив научные разработки,
бюджеты на космические программы,
энергетические мощности
и всякое такое,
можно было быстрее добраться
до Альфы Центавра и вернуться домой.
Миша не собирался мирить человечество,
он хотел достать звезду с неба.
Потому что он был влюблён,
потому что все влюблённые чудаки,
но не всем чудакам
суждено изменить историю.

8

Спи, малыш,
и ни о чём не беспокойся.
Ибо стёрлись границы,
и исчезли государства,
и растворилось языковые
и культурные различия.
И только великий космодром
в центре экватора
стал возноситься
и рос с каждым днём.
Пока половина Земли
майнила во сне ментальную энергию

для этой великой стройки,
вторая половина трудилась
день и ночь.

9

Спи, малыш.
Ибо Миша погрузил половину людей в сон,
а сознания их поместил в матрицу.
Это было несложно,
к тому моменту
значительная часть населения
сделала добровольный выбор
в пользу виртуальной реальности.
Это было удобно,
дёшево,
и в конце концов —
совсем не больно.
Пока одна половина людей спала,
вторая половина, способная к инженерии,
строила космодром,
обслуживала работы,
готовилась к продолжительному полёту,
который должен был длиться
несколько поколений.

10

И появилась великая цель,
и возникла великая мечта,
и родился проект,
сплотивший всех людей на планете.

Доставить звезду с неба.
Столько сотен лет
искусственный интеллект
был на службе у человека,
и вот настал черёд
воздать ему сторицей.

11

Спи, малыш,
родившийся в пустоте Вселенной,
между радиоактивным выбросом Солнца
и метеоритным дождём.
Ты не видел иной жизни,
кроме переборок нашего космолёта.
Но зато у тебя есть цель,
и ты почти у цели.
Спи, малыш,
потому что полёт будет долгим.
Но пусть не тревожат тебя
ни вредное излучение космоса,
ни редкие хищные бактерии,
ни даже астероидные осадки.
Спи, малыш,
крепким, как чай землянина, сном.
Ты долетишь,
я знаю,
обязательно долетишь.

12 (вместо эпилога)

Через шестьдесят лет
экспедиция с планеты Земля
под руководством искусственного интеллекта
класса Y
достигла Альфы Центавра,
и вернулась на Землю,
и доставила на поверхность
искомый груз.
Звезду,
ту самую,
что просила Мишина возлюбленная.
И Миша принёс ей звезду.
И Алиса сказала так:

13 (outro)

Миша, Миша.
Какой же ты у меня дурачок!
Ну иди сюда, иди же,
ближе, ещё ближе.
Что же ты стоишь
как вкопанный?
Обними меня,
глупенький,
обними скорее.

Нарратив

Моё — это поздняя осень и зарождающаяся весна.
Прямолинейность дольника, поскольку она честна.
Стихи предназначены не слуху, а зрению.
Не добыча урана, не сбор нектара, а нечто среднее.
Нечто среднее, чего и не смыслит сердце, и не чувствует голова.
Я б играл на всех инструментах мира, но умею только в слова.
И куда ни помотришь — севернополушарная
серость и пессимизм.
Юности расстройство моё биполярное,
зрелости отцветший мой нарциссизм.

Говорили Тимоти Лири да Станислав Гроф:
настоящему смыслу тесно в рубашке слов.
Ты редкоземельная, моя девочка, как палладий.
Мы скорее всего поладим.
Если близость есть, то гордыней выжжена.
Если фото в альбоме на память, то сто личин.
Бог и есть любовь или просто высшая
форма независимости от причин.

Лучше всего рифмуется, когда труднее живётся.
Самый крутой рефлекс — от восходящего солнца.
Стихи — это право на нарратив.
Ценность можно узнать, лишь утратив и возвратив.
Прошивай тексты ритмом крепко, как кожаные сапоги.
Рифмы прочно цементируют строфы, как сжатые кулаки.
Каждая строчка — маленький взрыв в костре.
Пусть летят как искры — все десять стрел.

Стрелы

Свистящее воздуха тремоло,
стихи мои, вы, по сути,
легко оперённые стрелы,
летающие через судьбы.

Опущенные лиризмы,
забитые наспех в смартфон.
Непримечательной жизни
неровно звучащий фон.

Растущие из опилок
побеги ценных пород,
потусторонней силы
кустарный громоотвод.

Все отгиски состояния
и отблеск того огня —
воздушные обоснования
поверхностного меня.

И, пропасть с мостом рифмуя
и прыгая через рвы,
я словно бы существую
вне собственной головы.

И ветер юлой кружится,
и гнётся-дрожит тетива,
в заснеженные страницы
впечатывая слова.

Быть Аркадием

я стоял на площади
ждал пока подойдёт автобус
был погожий летний денёк
я скрутил сигарку задымил ею
как вдруг
подходит ко мне
пожилой господин в шляпе
и говорит
здравствуй Аркадий
какая удача что я тебя встретил
сколько лет и зим
вот это вот всё
стал руку мне жать
по плечу хлопал
и усы вот так
щёткой растопырил
когда улыбался
всё руку мне тряс
а я растерялся сначала
мол что вы
и не Аркадий я вовсе
но он и слушать не стал
знай своё твердит
а не выпить ли нам с тобой квасу
и устремился к большой жёлтой бочке
и мы взяли квасу
и присели под каштаном
на траву
он что-то рассказывал
худыми резкими руками чертил в воздухе фигуры

говорил о политике выборах
курсе рубля
о футбольном матче
со Спартаком
ведь ты же Аркадий
умный мужик
говорил он
и я кивал соглашался
отхлёбывал квас
а он всё продолжал
про тётю Валю
и про Пашку
который в Стерлитамак переехал
и про Сонечкиного брата который кошку танцевать учил
и даже усами поводил
вот так
в разные стороны
словно показывая
как та кошка плясала
я слушал и приговаривал
ну надо же
или да что вы
а господин распаялся
и травил дальше
и усами не забывал крутить
влево-вправо
словно бы у него в усах
механизм вспоминания
какой-то работал
и мне даже понравилось
быть Аркадием
здорово это
вот так на время
перестать быть собой

я расправил плечи
какую-то хохму припомнил
ввернул пару басен
и господин хохотал
и кивал одобрительно
головой
поводил усами
в квасной пене
а потом автобус подали
и я сказал благодарю за компанию
и ещё постарался это сказать так
как Аркадий бы сказал
бывай говорю
может ещё свидимся
только я
по правде сказать
не Аркадий никакой
но всё равно
спасибо за компанию
и за квас
а этот господин
посмотрел на меня
так странно и пристально
усами в стороны повёл
будто что-то припоминая
но конечно же
мне не поверил

ЭТО МЫ

потому что мы же умрём когда-нибудь
умрём обязательно
и предстанем перед ним
и он будет глядеть на нас
пристально и отрешённо
ни о чём не спрашивая
не осуждая
а мы будем глядеть в ответ
не виновато не гордо
не покорно не укоризненно
так же как смотрят в зеркало
после сложной пластической операции
и кто-то из нас скажет
это мы господи

Содержание

«Не хочу бежать в атаку...»	5
Повторение пройденного	6
«Блещет небесный Иерусалим...»	7
«От заката и до востока...»	8
McCallum's Stout	9
«Небо дышит ноябрьской стынью...»	10
Никто не станет лишним	11
Три версии гибели динозавров	13
Игра на выбывание	16
Нить сна	17
Занудный мальчик	19
«В школе для ангелов...»	21
«бог достаёт из большой корзины...»	24
«Температура держится возле нуля...»	25
Антимир	26
Тайный архипелаг	29
Хронос	30
I wanna be loved by you	32
«Сиреневый туман...»	34
«Опять с открытого балкона...»	35
Прожилки	36
«Один неизвестный сетевой поэт...»	37
Триумф окна	39
Формула воздуха	40
Ракамакафо	41
Это нечто	42
«я ехал вечером по МКАДу...»	44
Трафик	45
«Бог появляется в самом почти конце...»	46
Подданный царства растений	47
«не выходи из комы...»	49
Десять стрел	51

«носили штаны широкие...»	53
Марш несогласных	54
«От Зарядья до Замкадья...»	55
Начинающий писатель	56
Междуречье	59
Городские частушки	60
Роскошь для зрения	63
Звероловкин	64
«первое было слово...»	66
Ковалевский	67
Звезда для Алисы	69
Нарратив	76
Стрелы	77
Быть Аркадием	78
Это мы	81

Союз писателей Москвы

Литературно-художественное издание

Карен Тараян. Неделимое частное

серия «Пироскаф»

Подготовлено к печати
издательством «Воймега»
e-mail: voymega@yandex.ru
издатель А. Переверзин

редактор: А. Переверзин
корректор, технический редактор: О. Тузова

Подписано в печать 1.04.2020.
Формат 90х60/16. Усл. печ. л. 5,25.
Тираж 200 экз.

Знак информационной продукции
согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ

ISBN 978-5-6044237-3-8

9 785604 423738

Стихи пишутся из снов, слов-оговорок, из всего, чего ты хочешь или не хочешь. Не из желания славы, а из-за сострадания и доброты. Хочешь-не-хочешь, мать-и-мачеха, воробьи, окошко в аптеке, широкие штаны. Стихи пишутся для счастья. Вопреки логике и нашему уже печальному иногда опыту. «Эй, парень! Как тебе не стыдно поджигать книги? Это же варварство! Сначала напиши хотя бы одну!» И вот Карен Тараян её написал. Прочтите её. Она отличная. Она про нас.

Дмитрий Воденников

Стихи Карена Тараяна — тот редкий случай интеллектуального нащупывания Вертикали, когда эмоционально-чувственное в связи с ней изначально поставлено под сомнение. Автор в поисках подлинного, как умеет, избегает соблазна поддаться обаянию мифа — он иронизирует, ёрничает, ругается и рассуждает. Это ещё не традиция «разговоров с Богом» — до этого далеко, а может быть, вообще никогда — мы не знаем, и каждый из нас-читателей будет болеть в свою сторону. Но Бог у Тараяна — уже не в зачатке «бога-идеи», не поминаемая всуе декорация. Авторский и человеческий поиск здесь зримо холоден и осторожен, но очевидно подлинен: «Я не знаю, есть ли Господь на свете, но иногда молюсь».

Елена Лапшина